

ИТАЛЬЯНСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

ДЖУЗЕППЕ ДЖУСТИ.

КРИТИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ СЪВЕРГЪ

М. Ватсонъ

Съ портретомъ Джузеппе Джусти

Цѣна 50 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. П. Скороходова (Надеждинская 43).

1900.

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова

Giuseppe Giusti 2017/18

ДЖУЗЕППЕ ДЖУСТИ.

Судьба итальянской литературы тѣсно связана съ политической исторіей общества и народа; литература отражала въ себѣ развитіе національнаго сознанія и часто была могущественнымъ орудіемъ этого развитія. Усиленное стремленіе лучшихъ поэтовъ, ученыхъ и публицистовъ начала XIX вѣка значительно способствовали нравственному и политическому возрожденію страны. Сѣмена, посеянные еще въ прошломъ столѣтіи (Парини, Альфіери, Foscolo и друг.), хотя медленно, но продолжали развиваться и, несмотря на мрачное политическое состояніе Италіи, подготовили то національное движеніе, которое ярко заявляется съ 1830 годовъ. Въ дѣлѣ освобожденія Италіи отъ чужеземнаго ига и внутренней тиранніи, и въ національномъ объединеніи Италіи несомнѣнная и значи-

тельная роль и доля успѣха принадлежитъ итальянской литературѣ, которая въ лицѣ своихъ лучшихъ дѣятелей возбуждала и поддерживала въ умахъ общества мысль о независимости и внутренней свободѣ. Въ ряду этихъ дѣятелей одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ занимаетъ Джузеппе Джусти, уроженецъ Тосканы.

Къ порѣ его первой дѣятельности политическое положеніе Италіи представляло весьма печальную картину. Италія не имѣла и тѣни самостоятельности. Вѣнскій конгрессъ, на которомъ Меттернихъ произнесъ извѣстную фразу: «L'Italie n'est qu'une expression géographique» (Италія не что иное, какъ географическій терминъ), довершилъ порабощеніе Италіи. Подъ прямымъ австрійскимъ владычествомъ очутились цвѣтущая Ломбардія и Венеціанская область; остальные земли Италіи были подъ косвеннымъ вліяніемъ той же Австріи, олицетворявшей злѣйшую реакцію, или подъ гнетомъ домашнихъ реакціонныхъ правительствъ, или подъ клерикальнымъ правленіемъ папы и кардиналовъ. Національное чувство, старательно подавляемое, вырывалось революціонными вспыш-

ками, — но онѣ были безплодны. Уже въ 1820 г. въ Неаполѣ и другихъ итальянскихъ государствахъ была сдѣлана попытка свергнуть тяжелое иго, но кратковременная вспышка была вскорѣ залита кровью патріотовъ, и затѣмъ наступила еще сильнѣйшая реакція. Тюрьмы переполнились компрометированными патріотами и «подозрительными»; многіе сѣхнули удалиться изъ Италіи, спасаясь отъ преслѣдованій; имущество конфисковались и смертные приговоры шли одинъ за другимъ. Рядомъ съ кровавыми драмами не было недостатка и въ комическихъ проявленіяхъ реакціонной злобы: на площадяхъ жгли сочиненія Вольтера и Руссо. Многіе университеты были на время закрыты и въ видѣ наказанія, и въ видахъ ихъ преобразованія. По вновь изданнымъ университетскимъ правиламъ, профессора и студенты были поставлены подъ строгій правительственный надзоръ, примѣненный также и ко всѣмъ остальнымъ учебнымъ заведеніямъ.

Что касается, въ частности, родины Джусти—Тосканы, то, хотя здѣсь не было такого военнаго деспотизма, какъ въ Ломбар-

діи, или деспотизма клерикальнаго, какъ въ Римѣ, или бюрократическаго, какъ въ Неаполѣ или Пиемонтѣ, но тѣмъ не менѣе и здѣсь въ общихъ чертахъ общественная жизнь представляла ту же мрачную картину, какъ и въ остальныхъ итальянскихъ государствахъ. Правда, министръ великаго герцога Фердинанда III (сына Леопольда I, доставившаго Тосканѣ кодексъ законовъ, считавшихся образцомъ мудрости и справедливости) — извѣстный Витторіо Фоссомброни, былъ выдающійся государственный дѣятель. Онъ старался охранять внѣшнюю политическую самостоятельность Тосканы противъ австрійскихъ притязаній, давалъ въ 1820 г. убѣжище въ Тосканѣ политическимъ изгнанникамъ изъ Неаполя и другихъ итальянскихъ государствъ, а въ 1831 г., въ эпоху повсемѣстныхъ революціонныхъ всплескъ, не согласился просить вмѣшательства Австріи. Но при всѣхъ своихъ достоинствахъ, Фоссомброни былъ слишкомъ властолюбивъ, чтобы вступить на путь широкихъ внутреннихъ реформъ, которыя могли бы ограничить его власть. Скептикъ по природѣ — хотя добрый и мягкій — онъ старался, по воз-

возможности лишить свое отечество политической жизни, подвергнуть печать надзору строгой цензуры и ограничить права общинъ.

Съ этимъ порядкомъ вещей соединялась очень естественно испорченность бюрократіи, дѣятели которой прокладывали свой служебный путь интригами; и, наконецъ, вся страна находилась въ рукахъ полиціи, такъ называемыхъ сбировъ. Эта каста шпионовъ, хотя и презираемая и дурно оплачиваемая, все же имѣла надзоръ надъ должностными лицами и проявляла свою власть надъ всѣми гражданами; шпионы проникали всюду, во всѣ сферы, и даже въ частную жизнь; они подслушивали, доносили и дѣлали обыски. Когда въ обществѣ тѣмъ не менѣе стали проявляться проблески воспримчивости къ новымъ идеямъ, полиція сдѣлалась еще подозрительнѣе; послѣ временнаго возбужденія 1830—1831 годовъ, вся страна погрузилась снова въ полную апатію и сонъ. Нигдѣ во всей Италіи не былъ замѣтенъ такой нравственный упадокъ общества, какъ именно въ Тосканѣ.

Пробудить общество къ болѣе возвышеннымъ цѣлямъ и стремленіямъ взяла на се-

бя такъ называемая «молодая литература». Гверрацци, Никколини и въ особенности Джустини пытались вызвать и подготовить нравственное и политическое возрождение страны. Историческая заслуга Джустини передъ своимъ обществомъ и народомъ теперь единогласно признана въ Италиі. Дѣйствительно, изъ числа поэтовъ, стоявшихъ во главѣ умственнаго движенія въ Италиі въ первой половинѣ текущаго столѣтія, никто, по своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ, не подходитъ ближе къ нашему времени, чѣмъ Джустини. Но только очень недавно онъ приобрѣлъ должную извѣстность за предѣлами своей родины. Это происходило отъ разныхъ причинъ. Главной изъ нихъ является содержаніе и въ особенности литературная форма и языкъ его произведеній. Главная сила Джустини есть политическая сатира и естественно, что его произведенія часто носятъ такую сильную мѣстную окраску, которая затрудняетъ ихъ пониманіе для чуждой публики. Но при всей мѣстной окраскѣ, сатиры Джустини, какъ истинно художественныя произведенія, отличаются и широкимъ обще-человѣческимъ значеніемъ, не

зависящимъ отъ даннаго времени и мѣста. Наконецъ, ихъ литературная форма представляетъ читателю не итальянцу нелегко преодолимая трудности. Джусти былъ новаторъ въ литературномъ языкѣ. Онъ вводитъ въ свои стихотворенія множество чисте-мѣстныхъ, народныхъ выраженій и оборотовъ тосканской рѣчи. Весьма общительный по природѣ, онъ охотно вступалъ въ бесѣды съ простымъ народомъ, съ поселянами, рабочими. Въ Нешии его лучшими друзьями были башмачникъ и булочникъ. Посѣщая высшее общество и изучая его нравы, дававшіе ему обильный матеріалъ для сатиры, Джусти изучалъ въ тоже время языкъ, нужды и бытъ народа, заимствуя у него многіе образныя и картинныя обороты рѣчи. «Когда я сажусь писать,—говорилъ онъ,—я облакаюсь въ простонародное платье, поступая какъ разъ наоборотъ съ тѣми, которые въ подобныхъ случаяхъ надѣваются фракъ, перчатки и лакированные сапоги».—Эта трудность понять весь смыслъ произведеній итальянскаго сатирика, поэтическая сила и оригинальность котораго заключаются часто именно въ непередавае-

момъ совершенствѣ формы, въ тонкости и образности языка, и была причиной, какъ мы уже говорили, почему за предѣлами Италии Джусти долго не находилъ справедливаго признанія. Даже въ Италиі, гдѣ уже оцѣнены его поэтическое значеніе и заслуги въ дѣлѣ политическаго возрожденія страны, есть до сихъ поръ не мало людей, напр., въ Ломбардіи и Римѣ, которые все еще не свыклись съ «тосканизмами» языка Джусти. Болѣе широкой популярности Джусти мѣшаетъ именно то, чѣмъ онъ искалъ себѣ любви своихъ ближайшихъ соотечественниковъ; но эта популярность все растетъ: цитата изъ Джусти дѣлается обычной и нѣтъ современнаго писателя, духъ котораго проникъ бы глубже въ самую плоть и кровь его народа, чѣмъ пропитанный возвышеннымъ сарказмомъ, глубокой душевной горечью и благородной рѣзкостью, духъ Джусти.

Вскорѣ послѣ смерти Джусти (13 марта 1850), появилась въ *Revue des Deux Mondes* статья извѣстнаго французскаго критика Гюстава Планша ¹⁾, которая можетъ на-

¹⁾ R. d. D. M. 1850. т. VIII.

глядно показать, какъ Джусти былъ мало понятенъ въ чужомъ обществѣ. Французскій критикъ отнесся къ Джусти и его произведеніямъ весьма холодно и несочувственно. По мнѣнію его, Джусти былъ только нѣчто въ родѣ импровизатора, безъ глубины мысли, безъ изящества стиля, картинности и красоты языка; онъ утверждалъ, что стихи итальянскаго сатирика не проживутъ долго и упрекалъ итальянцевъ въ превеличеніи достоинствъ Джусти. На статью Планша отвѣтилъ блестящимъ возраженіемъ извѣстный итальянскій патриотъ, другъ Джусти, маркизь Джино Каппони; этотъ отвѣтъ былъ помѣщенъ въ полномъ собраніи произведеній Джусти, изданномъ въ 1852 г. у Лемонье, во Флоренціи.—Въ Германіи, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ итальянской исторіи литературы, Реймонтъ посвятилъ Джусти нѣсколько страницъ ¹⁾, отдавая ему справедливую дань уваженія, какъ поэту и человѣку.—Затѣмъ явился прекрасный нѣмецкій переводъ стихотвореній Джусти, сдѣланный извѣстнымъ Павломъ Гейзе. Еще

) A. v. Reumont, Beiträge zur italienischen Geschichte, VI, 1857, стр. 388 и слѣд.

въ 1858 г. Гейзе перевелъ и напечаталъ нѣсколько сатиръ Джусты; но эти первые опыты были приняты весьма недружелюбно нѣмецкимъ обществомъ. Правда, въ выбранныхъ Гейзе сатирахъ оказался, между прочимъ, возгласъ итальянскаго поэта: «non vogliam tedeschi» («намъ не надо нѣмцевъ»), который не пришелся по вкусу нѣмецкому псевдо-патриотизму; притомъ переводы явились незадолго передъ итальянской войной за независимость, и общественное настроеніе въ Германіи было слишкомъ возбуждено въ пользу австрійскаго господства въ Италіи. Но первая неудача не остановила переводчика. Въ теченіе 18 лѣтъ онъ неутомимо изучалъ своего любимаго поэта, и, наконецъ, въ 1875 г. издалъ почти полный переводъ стихотвореній Джусты. Переводъ Гейзе хорошъ, по возможности онъ близокъ къ подлиннику и, что особенно важно, даетъ, наконецъ, правильное понятіе о поэтическомъ характерѣ итальянскаго сатирика. Въ предисловіи къ изданію Гейзе заявляетъ свою благодарность падуанцу Бернардино Земпини, на разсмотрѣніе котораго онъ отдавалъ свой трудъ и который помогъ ему вѣрно уразумѣть Джусты. Дѣй-

ствительно, не легко было бы отыскать человека болѣе авторитетнаго въ этомъ дѣлѣ. Земпини не только итальяскій поэтъ новаго направленія, старающійся отдѣлаться отъ традиціоннаго академическаго стиля, онъ только послѣдователь Джусты, изучившій съ любовью его произведенія, но вмѣстѣ и хорошій знатокъ нѣмецкаго языка и литературы. Его замѣчательный переводъ Гейне (1866 г.) произвелъ большую сенсацію въ Италіи и чуть ли не переворотъ въ ея литературномъ мірѣ.

Полной и обстоятельной біографіи Джусты еще нѣтъ до сихъ поръ. Жизнь его такъ тѣсно связана съ политическими судьбами Италіи, что Гейзе справедливо замѣчаетъ, что біографіей поэта могла бы быть подробная исторія его времени, тѣхъ двадцати лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ облекалъ въ поэтическія формы и тайныя, и явныя движенія народнаго духа. Нѣкоторые изъ друзей и единомышленниковъ итальянскаго сатирика: Леопольдъ Чемпини, Джованни Фрасси, Энрико Майеръ, Джозуэ Кардуччи подѣлились уже съ публикой своими воспоминаніями о Джусты и сообщили нѣсколько чертъ къ харак-

теристикѣ его эпохи. Издана въ двухъ томахъ весьма интересная переписка поэта. Г-жа Горнеръ, англичанка, проведшая почти всю жизнь во Флоренціи, напечатала любопытную книгу, содержащую въ себѣ довольно подробный и обстоятельный очеркъ жизни и значенія Джусти, многочисленныя выдержки изъ его писемъ, очеркъ политическаго положенія страны и переводы отдѣльных его стихотвореній ¹⁾. Авторъ этой книги относится съ живѣйшей симпатіей къ поэту и къ идеямъ, которымъ онъ посвятилъ всю свою жизнь.

Джузеппе Джусти родился 13 мая 1809 г. въ небольшомъ мѣстечкѣ Монсумманно, недалеко отъ Флоренціи, по дорогѣ въ Пещію. Семейство Джусти было зажиточно, пользовалось общимъ уваженіемъ и насчитывало въ своей средѣ не мало выдающихся людей. Дѣдъ его, съ отцовской стороны, былъ министромъ и другомъ Леопольда I, и, преимущественно благодаря ему, этотъ государь произвелъ тѣ либеральныя

¹⁾ Susan Horner, The Tuscan poet Giuseppe Giusti and his times, 1864.

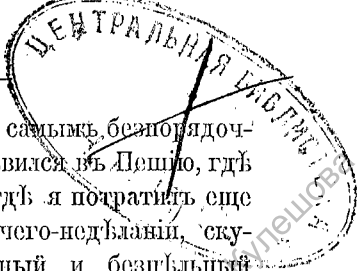
реформы, которыя дали ему почетное имя въ Италіи. Дядя, Луиджи Джусти, былъ ученый юристъ и любитель литературы. Мать, Эстеръ Кити, отличалась для своего времени образованіемъ и начитанностью, а ее отецъ, Челестино Кити, находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ съ историкомъ Сисмонди, занималъ видный административный постъ въ началѣ столѣтія. Маленькій Джузеппе—кудрявый, живой и шаловливый мальчикъ -- получилъ первоначальное воспитаніе въ родительскомъ домѣ, подъ присмотромъ приставленнаго къ нему гувернера, аббата, у котораго, впрочемъ, по словамъ поэта, онъ ничему не научился, и который, кромѣ того, весьма дурно съ нимъ обращался. Затѣмъ Джузеппе, 12 лѣтъ, былъ отправленъ во Флоренцію, въ учебное заведеніе Цуканьи. Въ числѣ его учителей былъ здѣсь нѣкто Андреа Франціони, восторженный поклонникъ Виргилія и Петрарки,—Джусти всю свою жизнь сохранилъ въ нему самую теплую дружбу и въ одномъ изъ своихъ писемъ отзывается о немъ слѣдующимъ образомъ: «Андреа Франціони былъ первый и единственный человѣкъ, съумѣв-

шій пробудить во мнѣ стремленіе и любовь къ занятіямъ и къ наукѣ. Если я впоследствии сталъ чѣмъ нибудь, то этимъ я обязанъ исключительно ему. Онъ мой первѣйшій другъ, истинный мой благодѣтель». Но къ сожалѣнію, школа Цуканьи была закрыта черезъ десять мѣсяцевъ послѣ поступления туда Джусти и онъ былъ отправленъ отцомъ сначала въ школу въ Пистойю, а вскорѣ затѣмъ въ Лукку. Здѣсь Джусти повидимому учился лѣниво, но подъ конецъ подружился съ однимъ изъ товарищей—Джакомо Баратта, и вмѣстѣ съ нимъ засѣлъ съ удовольствіемъ за книгу. Въ ноябрѣ 1826 г. онъ перешелъ въ университетъ въ Пизу, гдѣ, по желанію отца, сталъ изучать юридическія науки. Въ стихотвореніи: «Воспоминанія о Пизѣ» Джусти сознается, что всѣ годы университетскаго курса онъ употребилъ лишь на изученіе «книги жизни», а учебники валялись забытыми въ углу. Въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей, Атто Вануччи, Джусти, сообщая краткій автобіографическій очеркъ и говоря о себѣ съ самою задушевною простотою и откровенностью, пишетъ слѣдующее: «Проведши три года

университетскаго курса самымъ беспорядочнымъ образомъ, я отправился въ Пешю, гдѣ жило мое семейство и гдѣ я потратилъ еще девять мѣсяцевъ въ ничего-недѣланнѣ, скучая и ведя неправильный и безцѣльный образъ жизни. Разныя глупости и нѣкоторыя маленькія неприятности, которымъ я придавалъ тогда большое значеніе, между тѣмъ какъ теперь понимаю всю ихъ ничтожность, снова заставили меня уѣхать въ Пизу, а оттуда во Флоренцію, и зачислиться тамъ подъ знамя Юстиніана. Получивъ докторскій и адвокатскій дипломы и имѣя ихъ теперь при себѣ, я, впрочемъ, никогда не воспользовался ими ни для подписи, ни даже для визитныхъ карточекъ. Никогда не питалъ я особенной увѣренности или большихъ надеждъ относительно себя, и въ то же время ставилъ себя такъ не высоко, что внутренно смѣялся надъ тѣмъ, кто говорилъ мнѣ, что изъ меня что-то можетъ выйти. Я чувствовалъ лишь одно—непреодолимое влеченіе болтать о литературѣ, заниматься поверхностнымъ чтеніемъ и писать то прозой, то стихами; но я кончалъ все съ тѣмъ, что бросалъ книги и исписанныя листки въ

джузенне джусты.

330251

уголь и снова становился ни о чемъ педумающимъ лѣбтяемъ, занятіе, къ которому, говоря откровенно, я всегда имѣлъ нѣкоторую склонность. Съ 1831 г., работая безъ всякаго руководства и опредѣленнаго плана, я отъ времени до времени писалъ политическія стихотворенія по поводу тогдашнихъ дѣлъ, и скорѣе благосклонность друзей, чѣмъ собственная увѣренность, указывала мнѣ на то, что для меня можетъ открыться новый путь. Одно время я пренебрегъ этого рода призваніемъ, потомъ вернулся къ нему почти насильственно, въ видѣ опыта, не будучи убѣжденъ, что достигну какого нибудь результата, и годъ за годомъ продолжалъ свои занятія, безъ всякаго тщеславія, безъ личной ненависти къ кому бы то ни было и не принимая за чистую монету похвалы, расточаемыя мнѣ друзьями по поводу моихъ стихотвореній, и ихъ предсказанія о славѣ, ожидающей будто бы меня впереди».

Отличаясь всегда особой способностью легко сходитья съ людьми, Джусти уже въ университетѣ былъ центромъ цѣлаго кружка молодежи. Но среди всякихъ развлеченій и шалостей, онъ, хотя и мало зани-

маясь университетскимъ курсомъ, усердно изучалъ заброшенныхъ имъ въ школѣ Виргилія и Горация, и особливо Данта, просиживая надъ нимъ дни и ночи. Джусти и впоследствии носился съ мыслью написать подробный комментарий къ «Божественной Комедіи», и въ посмертномъ изданіи его сочиненій напечатаны весьма цѣнные отрывки этой задуманной имъ работы.

Поэтическій талантъ Джусти высказался очень рано. Тринадцати лѣтъ онъ уже написалъ стихотвореніе «Вавилонское столпотвореніе». Въ юности онъ вообще писалъ много, но эти первые поэтическіе опыты затерялись; самое раннее, сохранившееся стихотвореніе относится ко времени его студенчества, это — «Жалоба импрессарио Рикатто», снявшаго театръ въ Пизѣ въ 1833 г. Этотъ импрессарио Рикатто былъ очень извѣстный въ Пизѣ извозчикъ, которому вдругъ вздумалось заняться театромъ. Дѣла его пошли плохо, несмотря на сочувствіе молодежи, являвшейся толпами въ театръ и горячо аплодировавшей актерамъ. По поводу этихъ рукоплесканій произошло первое столкновеніе

Джусти съ полицией, почуявшей нѣчто революціонное въ этомъ проявленіи сочувствія молодежи. «Въ 1833 г.,—пишетъ Джусти въ письмѣ къ одному пріятелю,—когда я былъ студентомъ въ Пизѣ, я, вмѣстѣ со многими другими, былъ однажды призванъ передъ грозныя очи полицейскаго комиссара, какъ нарушитель общественной тишины. Припугнувъ меня арестомъ и исключеніемъ изъ университета, если я впредь не буду согласовать музыкальныхъ моихъ взглядовъ съ музыкальнымъ вкусомъ г. полицейскаго комиссара, онъ спросилъ меня, имѣю ли я что сказать. «Ничего не имѣю,—отвѣтилъ я,—за исключеніемъ развѣ лишь того, что въ тотъ вечеръ я вовсе не былъ въ театрѣ».—«Какъ такъ? Вѣдь имя ваше стоитъ же въ поданномъ мнѣ спискѣ?»—«Изъ этого слѣдуетъ только то,—отвѣтилъ я,—что господа полицейскіе агенты и шпіоны такъ много думаютъ обо мнѣ, что они видятъ меня и тамъ, гдѣ меня вовсе нѣтъ». При этихъ словахъ полицейскій комиссаръ страшно разсердился, но я сохранилъ полнѣйшее хладнокровіе и привелъ въ свидѣтели графа Мастаи, у котораго мой судья часто обѣдалъ. При

этомъ имени въ памяти его воскресло представленіе о пѣломъ рядѣ вкусныхъ блюдъ, уже съѣденныхъ имъ за графскимъ столомъ, и о тѣхъ, которыя ему еще предстояло тамъ съѣсть; онъ внезапно перемѣнилъ топъ и сказалъ:—«Идите и считайте сегодняшнюю нашу бесѣду отеческимъ вамъ предостереженіемъ!»

Получивъ докторскій дипломъ, Джусти уѣхалъ во Флоренцію, съ сожалѣніемъ разставшись съ Пизой, о чемъ онъ самъ рассказываетъ въ стихотвореніи: «Разлука съ Пизой». Во Флоренцію Джусти прибылъ въ 1834 г., 25-ти лѣтъ отъ роду, и поступилъ здѣсь для юридической практикѣ къ извѣстному въ то время адвокату Калокадри, сдѣлавшемуся впоследствии министромъ юстиціи. Но и тучъ, какъ въ университетѣ, Джусти мало занимался юридическими предметами: по утрамъ онъ читалъ Данте, а по вечерамъ бывалъ въ обществѣ и всячески развлекался. Какъ разъ тогда онъ попалъ въ кружокъ просвѣщеннѣйшихъ людей его времени, что не осталось безъ вліянія на развитіе его таланта. Литературнымъ центромъ былъ тогда домъ Вьессе (Vieusseux), женевца по происхожде-

цію, давно поселившася во Флоренцію. Вьессе, имя котораго вошло въ исторію итальянской литературы и многіе десятки лѣтъ было популярно во Флоренціи, собиралъ у себя общество литераторовъ, по преимуществу либераловъ, хотя допускались всѣ отгѣнки мнѣній. Вьессе въ молодости много путешествовалъ, но въ 1820 г. окончательно основался въ тосканской столицѣ, открылъ книжный магазинъ и бібліотеку и сталъ издавать журналъ «L'Antologia», гдѣ появлялись статьи лучшихъ итальянскихъ писателей того времени. Въ 1833 году, по приказанію великаго герцога, изданіе это было закрыто. Въ числѣ замѣчательныхъ людей, участвовавшихъ въ «Антологіи» или встрѣчавшихся въ салонѣ Вьессе, особенно выдавались: маркизь Ридольфи, основатель образцовыхъ фермъ въ Италіи; Джино Капони, извѣстный патріотъ, человекъ ученый и угонченно-образованный; Менцини, переводчикъ Гомера; Теренціо Маміани, впоследствии министръ Ція IX; Гверраци, извѣстный романистъ и потомъ глава демократической партіи въ Тосканѣ; Монтанелли изъ Пизы—музыкантъ, поэтъ и профессоръ въ

19 лѣтъ, — впоследствии игравшій роль въ исторіи тосканской революціи; Никколо Томмассо, итальянскій и славянскій поэтъ и прославленный патріотъ, и, наконецъ, знаменитый основатель тайнаго общества: «Молодая Италия», — Джузеппе Маццини.

Во Флоренціи Джусти стало все болѣе и болѣе уясняться настоящее его призваніе и въ душѣ его назрѣвало рѣшеніе посвятить себя исключительно литературѣ. Джусти былъ еще студентомъ, когда и въ Италиі взволновала умы июльская революція. Но, какъ извѣстно, итальянское движеніе этого времени не привело ни къ какимъ результатамъ; надежды либеральной партіи скоро погасли; общество снова погрузилось въ тяжелую летаргію и только очень немногіе, не обманутые этой кажущеюся тишиною, сохранили вѣру въ близость лучшихъ дней, стараясь поддержать эту вѣру и въ другихъ и подготовить себя и народъ къ достойному воспріятію свободы. Въ числѣ этихъ немногихъ былъ и Джусти.

Первое стихотвореніе Джусти, въ которомъ уже довольно ясно выступаетъ его сатирическій талантъ — это его «Guillotina a

Varage» (Царовая гильотина) написанная еще въ 1833 г. Въ шести звучныхъ и легкихъ строфахъ этого стихотворенія, сквозь легкую иронию, проглядываетъ сильное негодованіе противъ жестокаго правленія Франца IV въ Моденѣ, а также и сатира противъ чрезмѣрнаго, въ тѣ времена, злоупотребленія патентами на новыя изобрѣтенія.

Перваго марта 1835 г. умеръ императоръ Францъ I. Нѣсколько дней спустя, во Флоренціи стали ходить по рукамъ рукописные экземпляры стихотворенія неизвѣстнаго автора, подъ заглавіемъ: «Dies irae». Въ стихотвореніи передавалось впечатлѣніе, произведенное въ Европѣ смертью австрійскаго властителя, считавшагося главнымъ столпомъ реакціи, страхъ, охватившій при этомъ извѣстн дворы, быстро воспламенившіяся надежды народовъ и немедленное возвращеніе къ прежнему порядку вещей, такъ какъ за возгласомъ «le roi est mort», точасъ же раздается и другой: «vive le roi». Великія державы облеклись въ трауръ, по случаю этой кончины, но итальянскіе патріоты въ восторгѣ отъ смерти деспота; поэтъ совѣтуетъ однако, тиранамъ Италіи не терять надежды:

итальянская нація все еще погружена въ сонъ.

Сжатость, мѣткость и звучность стиховъ и нѣсколько циническая, но вмѣстѣ съ тѣмъ не лишенная граціозности смѣлость, и небывалая до той поры простота языка—все это, по словамъ одного изъ біографовъ Джусти, возбудило въ обществѣ «un ɿ sprasio di storore», «нѣкотораго рода оцѣпенѣніе». Впечатлѣніе усиливалось таинственностью, окружавшей распространеніе рукописнаго стихотворенія, которое, конечно, не могло быть напечатано.

Въ 1336 г. изъ числа нѣсколькихъ стихотвореній, написанныхъ Джусти, имѣлъ особенный успѣхъ «Сапогъ» («Lo stivale»), которому давно угодобляютъ Италію, по фигурѣ ея географическаго положенія. Въ уста этого сапога поэтъ вложилъ сатирической перечь всѣхъ событій итальянской исторіи. «Io non son della solita vachetta»—«я не пригоденъ на всякую погу», такъ начинаеть «сапогъ» свое повѣствованіе и объясняетъ, что онъ шитъ прочно, искусной рукой, удобенъ и для охоты, и для войны, и что многіе безумцы, примѣрившіе его, могутъ

засвидѣтельствовать о его достоинствахъ. «Слишкомъ длинно было бы, еслибъ я сталъ перечислять всѣхъ, пытавшихся овладѣть мною, и потому я ограничусь переименованіемъ лишь самыхъ извѣстныхъ случаевъ, какъ я переходилъ отъ вора къ вору (*come passai di ladro in ladro*). Съ самаго начала (еще при римлянахъ) я вдругъ понесся во всю прыть, и, потерявъ отъ собственной тяжести равновѣсіе, упалъ, — растянувшись во весь ростъ. Тогда на меня накинудись со всѣхъ сторонъ. Прежде всего попъ ухватился за меня, но почувствовавъ, что я ему не по ногѣ, предоставилъ меня въ добычу другимъ. Германецъ пожелалъ захватить меня, но долженъ былъ вернуться во-свояси ни съ чѣмъ, и въ теченіе цѣлаго столѣтія я былъ въ распоряженіи у простыхъ купцовъ (венціанскихъ, генуэзскихъ, флорентинскихъ). Занятые торговлею, они заботливо охраняли меня и держали въ хорошемъ состояніи. Но разбогатѣвъ, они пожелали разукрасить меня, и выигравъ съ виду, я сдѣлался менѣе прочнымъ» и т. д.

«Теперь, злѣйшій его врагъ—попъ, которому, впрочемъ, — какъ утверждаютъ нѣко-

торые нео-католическіе поэты,—по церковнымъ законамъ, воспрещается носить сапоги. Весь изорванный и брошенный въ пренебреженіи, сапогъ ждетъ лишь теперь того, чтобы его починили, и чтобы его обула какая-нибудь — конечно не французская и не нѣмецкая— а итальянская нога». Оканчивается стихотвореніе словами:

«Взгляните—здѣсь я голубого цвѣта, тамъ краснаго и бѣлаго, тутъ желтаго и чернаго; словомъ — истинный арлекинъ. Если же вы хотите меня починить настоящимъ образомъ, то, осторожно и съ любовью, сшейте меня изъ одного куска и одного цвѣта».

Эти мысли объ единствѣ Итали, подсказываемыя въ шутливой формѣ, уже назрѣвали въ обществѣ, но Джусти высказалъ ихъ во всеуслышаніе, и это дало его стихотворенію чрезвычайную популярность. Она распространилась далеко за предѣлы Тосканы: всѣ восхищались «Lo stivale», и слава автора росла съ каждымъ днемъ. Всякое новое его произведеніе тотчасъ ходило по рукамъ и переписывалось старыми и молодыми. Стихи его читались всюду и были хорошо извѣстны всѣмъ, даже крестьянамъ.

Одинъ изъ біографовъ Джусты, Кардуччи, описываетъ въ слѣдующихъ строкахъ возбужденіе, произведенное въ Италіи стихами Джусты.

«Стихи Джусты понимались и пришли въ вкусъ не только образованному классу, но и поселянамъ. Хотя они и не были напечатаны, а ходили въ рукописяхъ, тѣмъ не менѣе они читались всюду — и въ цвѣтущей долинѣ Арно, и среди лѣсовъ гористой Пистойи, и въ равнинѣ пизанскаго побережья. Друзья передавали ихъ одинъ другому, какъ драгоценность, отцы дѣлали видъ, что не замѣчаютъ ихъ въ рукахъ сыновей. Они читались и въ длинныя зимніе вечера, во время поспѣлокъ, и въ прекрасныя весенніе дни, подъ тѣнью орѣховыхъ деревьевъ. Пишущій эти строки ясно помнитъ, какъ еще мальчикомъ его въ отдаленной деревушкѣ таскали и по столярнымъ, и по башмачнымъ мастерскимъ, заставляя перечитывать и комментировать поэзію Джусты».

Въ 1837 г. было написано стихотвореніе, озаглавленное: «A San Giovanni». Тогдашняя флорентинская золотая монета (руспонъ, равняющійся почти 17 франкамъ) носила на

обѣихъ сторонахъ изображеніе св. Іоанна Крестителя, патрона города. На эту тему Джусти написалъ картину продажности, взяточничества и нравственнаго упадка общества, въ которомъ деньги являлись единственнымъ путемъ, ведущимъ къ почестямъ, благосостоянію и власти. Стихотвореніе кончается возгласомъ:

Ah! predicare la Biblia o l'Alcorano,
 San Giovanni, mio caro, e tempo perso;
 Mostrateci la borsa, e l'universo
 Sarà Cristiano.

(Проповѣдовать библію или алькоранъ, дорогой мой св. Іоаннъ — потерянное время; покажите намъ лишь кошелекъ — и весь міръ обратится тотчасъ же въ христіанъ).

Въ 1838 г. появилось нѣсколько новыхъ произведеній и между ними «Apologia del Lotto» (Восхваленіе лоттереи). Извѣстно, что казенная лоттерейная игра, чрезвычайно распространенная въ Италіи тогда и послѣ, и несомнѣнно деморализовавшая народъ, поддерживалась правительствомъ, такъ какъ доставляла казнѣ большой доходъ. Лѣнь и расточительность и рядомъ бѣдность низшихъ классовъ росли и множились по всей

Тосканъ, и однимъ изъ источниковъ этого зла была въ сильной мѣрѣ лоттерея. Въ поэмѣ: «Il Sortilegio» («Колдовство»), написанной нѣсколько лѣтъ спустя, Джустини снова возвращается къ этому предмету, описывая разореніе счастливой крестьянской семьи отъ лоттерейной игры. «Вотъ лоттерея идетъ селиться среди нихъ, лоттерея, игра императорская и королевская, и весь ихъ покой, и все ихъ честное житье рушится внезапно со всѣмъ ихъ остальнымъ достояніемъ».

Въ концѣ того же 1838 г. Джустини написалъ «L'Inconoscione», на случай праздника коронаціи австрійскаго императора Фердинанда. Стихотвореніе это, одно изъ наиболѣе художественныхъ по формѣ, а по содержанію изъ наиболѣе рѣзкихъ и раздражающихъ, надѣлало много шуму. Джустини самъ считалъ эту сатиру однимъ изъ удачнѣйшихъ своихъ произведеній». Эти стихи, — пишетъ онъ къ одному изъ друзей; — нѣсколько выше остальныхъ. Это родъ сатиры, перешагнувшей въ лирическую область». Джустини упрекаетъ здѣсь мелкихъ итальянскихъ государей, что они виной національнаго приниженія Италіи, такъ какъ они сами смотрятъ на себя, какъ

на вассаловъ германскаго императора и преклоняють передъ нимъ колѣни. Изображая съ злой насмѣшкой рядъ итальянскихъ государей, собравшихся кругомъ новаго императора, Джусти укоряетъ ихъ за униженіе и нищету народа, за холодный эгоизмъ.

Въ 1839 г. Джусти написалъ пьесу «La Vestizione» («Орденскій праздникъ»), гдѣ въ звучныхъ, изящныхъ и непереводаемыхъ строфахъ обличаетъ денежную аристократію. Содержаніе стихотворенія заключается въ слѣдующемъ: лавочникъ Бецери, путемъ ростовничества и обмана ставшій миллионеромъ, внесъ, куда слѣдуетъ, надлежащую сумму и посвящается въ рыцари тосканскаго ордена св. Стефана. Посвященіе происходитъ въ церкви и сопровождается торжественнымъ богослуженіемъ, въ теченіе котораго Бецери вдругъ представляется страшное видѣніе: окружающіе его рыцари и священнослужители превращаются въ ужасные призраки, а на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла чаша съ св. причастіемъ, появляется фигура, олицетворяющая ростовничество. Испуганный Бецери хочетъ бѣжать; но мысли его еще болѣе путаются и вмѣсто церкви онъ видитъ себя

уже на судѣ, въ качествѣ подсудимаго, а потомъ и на мѣстѣ казни. За этимъ видѣніемъ слѣдуетъ опять новое: разбогатѣвшаго ростовщика окружаютъ толпа аристократовъ, которые смѣются надъ вчерашнимъ лавочникомъ, желая втереться въ кругъ рыцарей высокаго ордена, и напоминаютъ ему его позорное прошлое. Еще далѣе, Беццо окруженъ старыми товарищами и друзьями, которые перечисляютъ его грязные дѣла, пока, наконецъ, съ окончаніемъ церковнаго торжества, Беццо не пробуждается отъ своихъ ужасныхъ видѣній.

Въ письмѣ къ Александру Манцони, Джусти говоритъ по поводу этой пьесы: «Мнѣ могутъ замѣтить что «Орденскій праздникъ» — сатира исключительно тосканская, съ чисто мѣстнымъ значеніемъ, такъ какъ мишенью ея служить орденъ св. Стефана. Но я на это отвѣтилъ бы: во всемъ мірѣ найдется безчисленное множество людей, изъ грязи и позора добравшихся до высшихъ почестей и орденовъ, и если моя сатира имѣетъ дѣйствительно значеніе, то она въ сущности могла бы быть названа европейской, а не тосканской... Правда, я мѣтилъ на злоупо-

требленіе, бывшее въ ходу въ Тосканѣ, но въ тоже время и на разлившихся дѣльцовъ, съ туго набитыми кошельками, во всемъ мірѣ. И дѣйствительно, развѣ эти господа, на которыхъ смотрятъ косо въ томъ общественномъ слоѣ, въ который они стараются втѣреться, и осмѣиваютъ въ томъ, отъ котораго они пытаются отстать—не принуждены пріютиться подъ крыло абсолютизма, забывающаго ихъ низости и позорные поступки, лишь бы только росло число его ливрейныхъ прислужниковъ?.. А между тѣмъ, здѣсь у насъ, когда пройдетъ слухъ, что тотъ или этотъ имѣетъ намѣреніе сдѣлаться рыцаремъ ордена св. Стефана, его обзываютъ уже теперь «новымъ Беццero», и еслибъ съ моей стороны не было нескромностью, я повторилъ бы слышанное кругомъ себя, а именно: будто нѣкоторые лица, желавшія украсить себѣ грудь купленнымъ орденомъ, отказывались отъ этого намѣренія изъ опасенія услышать за спиной слова: «salute a Bécero, viva il Droghiere».

Въ 1840 г. наибольшее вниманіе привлекло къ себѣ стихотвореніе: «Il Brindisi di Girello» (Тостъ Джирелло), иронически посвященное

«памяти Талейрана». Здѣсь выводится на сцену политическій шарлатанъ, который, смотря по обстоятельствамъ — что въ данную минуту ему выгоднѣе — является то въ маскѣ либерала, то въ личинѣ реакціонера. Джирелло умѣлъ удобно устроиваться при всякихъ перемѣнахъ правительства, и въ минуту слабости, выпивъ лишній стаканъ вина, высказываетъ правила, которыми онъ руководствовался всю жизнь. «Во время революціи, — признается онъ, — я держалъ въ карманѣ, на подобіе компаса, десять, двѣнадцать разнородныхъ кокардъ. Если падала власть церкви, я тотчасъ превращался въ ярого атеиста, расхищалъ церковное имущество, грабилъ монастыри и прибиралъ въ свои руки золотыя лампады, образа Спасителя и всякую дорогую церковную утварь. Когда же снова побѣждала реакція, я принимался воздвигать висѣлицы, служа вѣрой и правдой папѣ и моему государю, какъ подбавляетъ всякому доброму христіанину. Краденое добро не становилось мнѣ поперекъ дороги, такъ какъ защищая тронъ и алтарь, я никогда не возвращалъ похищеннаго». Джирелло произноситъ съ полнѣйшимъ спо-

койствіемъ свой тостъ: «Да здравствуютъ арлекины и маріонетки, и большія, и маленькія; да здравствуютъ маскарады всѣхъ странъ: революціонныя юнты, клубы, государи и церковь!»

Въ отрывкѣ неоконченнаго предисловія, который найденъ былъ въ посмертныхъ бумагахъ Джусти и предназначался для полнаго изданія его стихотвореній, онъ говоритъ о «Тостѣ Джирелло», вмѣстѣ съ двумя другими сатирами: «Космополиты» («Gli Umaitari») и «Король Чурбанъ» («Il Re travicello»), написанныхъ имъ въ 1841 г.: «Быть можетъ, авторъ ослѣвленъ отеческою нѣжностью, но онъ думаетъ, что «Brindisi di Girillo»—одно изъ лучшихъ его произведеній и что въ этихъ немногихъ строкахъ ему удалось, какъ нельзя ближе, выразить свою мысль. Мнѣ кажется также, что обуявшій насъ духъ космополитизма, легкость, съ которою мы мѣняемъ знамя, и наша привычка быть вѣчно негодующими, недовольными и вмѣстѣ съ тѣмъ безпечными и бессильными подданными требовательныхъ и неспособныхъ правителей—наиболѣе чувствительныя наши язвы, и я думаю, что упомянутыя три сатиры, спо-

койно и безстрашно—какъ хорошій, знающій хирургъ — вводятъ зондъ въ самую ихъ глубину.—Претендовать на званіе гражданъ міра, не будучи еще гражданами собственной родины, добиваться репутаціи осторожнаго и мудраго государственнаго дѣятеля, мѣняя ливрею съ каждымъ новымъ господиномъ, прокричать себя борцами противъ деспотизма, не умѣя возстать противъ притѣненія и не пользуясь удобной минутой для того, чтобы стряхнуть съ себя гнетущее ярмо... Это такія безразсудства, которыя, дѣйствительно, заслуживаютъ того, чтобы, при видѣ ихъ, покачать головой и съ сожалѣніемъ улыбнуться».

Въ 1841 г. Джусти написалъ больше, чѣмъ въ какой-либо изъ предыдущихъ годовъ. Къ этому времени относятся слѣдующія произведенія: «Къ другу», «По поводу катарра опернаго пѣвца», «Балъ», «Воспоминанія о Пизѣ», Свадебный контрактъ», «Монументъ», «Неподвижные и кажущіеся живыми», уже упомянутые «Космополиты», и «Король Чурбанъ». и наконецъ, «Страна Мертвецовъ», въ которой Джусти съ большимъ достоинствомъ и юморомъ отвѣчаетъ

на фразу Ламартина: «L'Italie, c'est la terre des morts». Стихотвореніе кончается строфой:

«Veglia sul monumento
Perpetuo lume il sole,
E fa da torcia a vento;
Le rose, le viole,
I pampani, gli olivi
Son simboli di pianto:
O che bel camposanto
Da jare invidia ai vivi».

(Надъ монументомъ, точно неугасаемый факель, горитъ вѣчный солнечный блескъ; розы, фіалки, оливковыя деревья, виноградныя лозы, — вотъ олицетвореніе символовъ печали. О, что за прекрасное кладбище, способное внушать зависть живымъ).

Въ стихотвореніи «*По случаю катарра опернаго тѣща*» Джусти осмѣливаетъ чрезмѣрное поклоненіе, особенно же великосвѣтскихъ дамъ передъ «моднымъ тепоромъ». Сатирикъ весьма живо выводитъ типъ «сауниаго виртуоза», — этого современнаго Орфея, который укрощаетъ, однако, лишь только великосвѣтскихъ львицъ. Всѣ ожидаютъ съ трепетомъ его появленія — и вотъ онъ входитъ, наглый, великолѣпный, важничаяющій. Всѣ взоры прикованы къ нему и ловятъ его взглядъ. Его уговариваютъ, про-

сятъ, умоляютъ «спѣть что-нибудь». Въ отвѣтъ онъ сладко улыбается и, наконецъ, спускается къ просьбамъ; стягиваетъ съ рукъ перчатки, покручиваетъ бородку и садится за рояль. Восторгамъ и восклицаніямъ нѣтъ конца. Еще бы, когда «соединяется фальцетъ съ грудными звуками, кто могъ бы этому противостоять? За то теноръ и получаетъ жалованье «шести министровъ», а если бы снова воскресъ Данте, ему приподнесли бы три пятнадцатыхъ. Пусть себѣ филантропы проливаютъ слезы о томъ, что такъ по пустыкамъ расточаютъ золото, которымъ можно было бы въ дни голода прокормить тысячи бѣдняковъ!.. Пусть они оплакиваютъ участь разныхъ тружениковъ науки, какъ, напр., Романьоло *), который, при столь возвышенномъ умственномъ полетѣ, долженъ былъ послѣдніе дни жизни работать для своего пропитанія простымъ поденщикомъ!» говоритъ Джусти.

Стихотвореніе оканчивается слѣдующими строфами:

*) Высоко даровитый итальянскій юристъ и философъ (1761—1835).

«Жгучихъ слезъ струя съ ланить сбѣгаетъ...
 Поскорѣй утри ихъ: вотъ такъ вздоръ!
 Если тонкимъ яствемъ услаждаетъ.
 Поваръ вкусъ нашъ, — нѣжить и ласкаетъ
 Слухъ прекрасный оперный теноръ,

* * *

«Что за дѣло намъ до бредней модныхъ,
 До какихъ-то тамъ невзгодъ и бѣдъ,
 До бродягъ бездомныхъ и голодныхъ,
 Что за дѣло намъ до нуждъ народныхъ,
 До тебя, о ноющій поэтъ?

* * *

«Стоны прочь! Давай златыя грезы,
 Пѣсни бодрья ты намъ давай!
 Не грѣшно-ль смотрѣть на мѣръ сквозь слезы..
 Знаемъ мы, завинуть завтра розы,
 Торопись, сегодня ихъ срывай!

* * *

«Боже, Ты, Который малымъ пташкамъ,
 Что не жнутъ, не сѣютъ, шлешь зерно,
 Множишь гадъ, даешь руно барашкамъ,
 Крыльевъ блескъ и пестроту букашкамъ,
 Все смыкая въ чуднос звено.

* * *

«Охраняй искусство!» восклицаютъ
 Хоромъ ложи и партеръ, «и пусть
 Тѣ дары ума все пропадаютъ,
 Что и хлѣбомъ вдоволь не питаютъ,
 Изнуряютъ и наводятъ грусть!»—

* * *

Всѣ твердятъ: «наука, школа, знанье»—
 Суть не въ нихъ, не въ нихъ и благодать!..
Слухъ и *голосъ* все,—о нихъ старанье,
 Прилагайте, юноши!.. а знанье,
 Умъ, душа,—что могутъ они дать?...»

Въ пьесѣ «Космополиты» Джусти напа-
 даетъ на упомянутыхъ въ его письмѣ мишур-
 ныхъ «гражданъ міра», которые не умѣли
 еще быть гражданами собственнаго отече-
 ства. Космополитъ этого рода говоритъ у
 Джусти: «Я—сынъ вселенной и считаю по-
 теряннымъ временемъ заниматься Италіей.
 Дорогие мои сограждане, къ чему ставить
 себѣ предѣломъ Альпы и Сицилію? Неужели
 же намъ такъ и заглохнуть на почвѣ, пи-
 тавшей насъ? Вѣдь мы не цвѣтная капуста?»

Посвящая эту сатиру одному изъ дру-
 зей, Джусти пишетъ: «Прошу васъ при-
 нять это мое новое произведеніе, написан-
 ное мною съ цѣлью нѣсколько осмѣять тѣхъ
 философовъ-космополитовъ, которые, расха-
 живая въ весьма покойной и растяжимой об-
 ласти общихъ мѣстъ, пустою болтовней и
 праздными теоріями, не имѣющими почвы
 подъ собой, вводятъ въ обманъ суетную
 толпу. Еслибъ каждый народъ былъ пол-

нымъ хозяиномъ у себя дома, то можно было бы начать разговоръ о всемірномъ братствѣ; но пока у насъ на шеѣ сидятъ извѣстные господа, я по крайней мѣрѣ не перестану утромъ и вечеромъ, вставая и ложись въ постель, вмѣсто «Отче нашъ», твердить себѣ тосканскія поговорки: «Tre fratelli, tre castelli»; «Ognun per se e Dio per tutti» (т.-е. «своя рубашка ближе къ тѣлу; бережливаго Богъ бережетъ»).

Джустини не разъ возвращался къ этому предмету, возставалъ противъ увлеченій теоретическими интересами: если даже они не были совершенно поверхностны, они отвлекали умы отъ насущныхъ потребностей жизни, для которой прежде всего нужно было искать свободнаго проявленія національныхъ силъ. Онъ пишетъ, между прочимъ: «Угнетаемые, опозоренные, доведенные до состоянія какихъ-то атомовъ, или даже менѣе того, мы—я полагаю—скорѣе расположены къ ненависти и злобѣ, чѣмъ къ любви. Если же, чѣмъ не менѣе, у насъ постоянно на устахъ оказывается любовь, то давайте любить другъ друга, но да сохранитъ насъ Господь отъ любви къ на-

шимъ врагамъ. Мы успѣемъ еще полюбить ихъ, когда они свернутъ на путь долга и чести; полюбить же ихъ теперь быто бы уже черезчуръ опрометчиво. Да избѣгнемъ же всякихъ космополитическихъ или гуманитарныхъ бредней; когда мы едѣлаемся гражданами собственнаго отечества, тогда мы будемъ добиваться всемірнаго гражданства; когда мы у себя дома сплотимся въ одну семью, тогда отправимся пожалуй и за Альпы удить духъ братства».

Безпримѣрный успѣхъ первыхъ его произведеній ясно указывалъ Джусти значеніе его таланта въ данное время; но этотъ успѣхъ не вскружилъ ему голову. Онъ смотрѣлъ на свою задачу какъ нельзя болѣе серьезно и трезво, и потому тщательно избѣгалъ излишней плодовитости. Онъ писалъ только подъ вліяніемъ глубокой внутренней потребности; съ каждымъ днемъ возрастала его требовательность относительно художественности формы и языка. Онъ передѣлывалъ безконечное число разъ свои произведенія, пока, наконецъ, они не удовлетворяли его. Какъ онъ старался вникнуть въ самый духъ языка, какія серьез-

ныя подготовительныя работы лежатъ въ основѣ неологизмовъ и всего стиля Джусты, видно изъ нѣкоторыхъ его статей, посвященныхъ филологическимъ изысканіямъ и найдеиныхъ послѣ его смерти въ его бумагахъ,—изъ богатаго сборника тосканскихъ пословицъ, собраннаго имъ и изданнаго теперь отдѣльнымъ томомъ. Начатый имъ комментарий Данта свидѣтельствуешь, какое значеніе придавалъ Джусты каждому отдѣльному слову. Двое компетентныхъ судей по вопросу языка, Джино Каппони и Манцони, хотя часто не сходявшіеся въ своихъ взглядахъ по этому предмету, единогласно признавали въ Джусты знатока итальянскаго языка и стиля.

Въ небогатой внѣшними событіями жизни Джусты, занимаетъ не послѣднее мѣсто исторія его многочисленныхъ дружескихъ связей. Его друзьями были почти все выдающіеся люди его эпохи: Сисмонди, Манцони, Массимо д'Азеліо, Томмасо Гросси, Атто Вануччи, Поэріо, Монтанелли, а въ особенности Джино Каппони.

Джусты остался холостымъ. Говорять, тому была причиной несчастная любовь. Жен-

щина, которую онъ страстно любилъ, измѣнила ему. Страданія, причиненныя ему обманутой любовью, повидимому, не были имъ никогда забыты и были тяжелѣе, чѣмъ онъ хотѣлъ сознаться. Но въ стихотвореніяхъ Джустини нѣтъ почти никакихъ упоминаній объ этой несчастной любви, кромѣ одного отрывка, найденнаго въ посмертныхъ бумагахъ, озаглавленнаго «Ad una donna» и написаннаго уже много лѣтъ послѣ того, какъ разыгрался его романъ. Въ этомъ отрывкѣ онъ, между прочимъ, говоритъ:

«Мрачный и одинокій я иду впередъ, а мысли бѣгутъ назадъ! Безпріютенъ, какъ чловѣкъ, не имѣющій домашняго очага и переѣзжающій изъ одной гостинницы въ другую, я показываюсь то тутъ, то тамъ, вѣчно въ людской толпѣ и вѣчно одинокій».

Этотъ ударъ не остался, повидимому, безъ вліянія на здоровье поэта. Къ этому присоединились затѣмъ еще нѣсколько нервныхъ потрясеній: смерть любимаго дяди, пожаръ ночью въ его кабинетѣ, сильно его испугавшій. Наконецъ, въ 1842 г. лѣтомъ съ нимъ произошелъ странный случай, оставившій въ немъ, вслѣдствіе уже разстроена-

ныхъ его нервовъ, глубокое впечатлѣніе. Во время прогулки на Джусти напала на улицѣ бѣшеная кошка и хотя она и не исцарапала его, но ужасъ его былъ такъ великъ, что, повидимому, вся его нервная система была сильно потрясена. Вскорѣ докторъ, лечившій его, замѣтилъ въ немъ зачатки внутренней болѣзни, которая и свела поэта въ раннюю могилу и омрачила его послѣдніе дни. Джусти не могъ заниматься, не могъ писать; это въ особенности пугало и мучило его. Онъ пишетъ по этому поводу своему пріятелю, профессору Агто Вануччи: «Ты правъ, говоря, что умственные занятія должны бы, именно теперь, служить мнѣ величайшимъ утѣшеніемъ; но какъ только я возьму въ руки книгу, я почти тотчасъ же вынужденъ бросить ее, потому что чувствую утомленіе. Что же касается того, чтобы мнѣ самому писать, то объ этомъ и думать нечего; воображеніе мое совершенно изсякло. Еслибы продлились мои болѣе счастливые дни, я могъ бы окончить еще много работъ или начатыхъ, или же задуманныхъ, исполненіе которыхъ я откладывалъ до болѣе зрѣлыхъ лѣтъ. Не говоря уже о собраніи по-

словицъ, я хотѣлъ еще написать нѣсколько очерковъ о нравахъ сельскаго горнаго населенія и населенія равнинъ. Потомъ я имѣлъ еще въ виду издать, связавъ ихъ между собою, мои замѣтки о Данте и сдѣлать это въ формѣ писемъ къ друзьямъ, помѣстивъ здѣсь избранныя мѣста лучшихъ комментариевъ къ «Божественной Комедіи» и присоединивъ къ нимъ и собственные мои взгляды по этому предмету. Кромѣ того, у меня было задумано или уже набросано вчернѣ много новыхъ сатиръ, между прочимъ, одна «L'Adunanza» (Собрание), гдѣ я мѣтилъ на разные лагери въ литературѣ; другая «La fabbrica dei candidati», гдѣ я хотѣлъ вывести на свѣжую воду, какими путями и способами нѣкоторые господа вскарабкиваются на разные почетныя и прибыльныя должности и т. д. вмѣстѣ съ тѣмъ я имѣлъ въ виду написать нѣчто въ родѣ романа, а также повѣсть, основанные на событіяхъ, случившихся у насъ на глазахъ, и гдѣ бы я выставилъ въ яркихъ краскахъ всякія низости и гнусности этихъ послѣднихъ десяти или двѣнадцати лѣтъ. Видишь, какое у меня было обиліе матеріаловъ, но я чувствовалъ

въ себѣ силу справиться съ нимъ и мысленно восхищался счастливыми часами, которые мнѣ предстояло провести, обдумывая и создавая. Теперь все эти планы, мечты, прекрасныя надежды лежатъ схороненными гдѣ-то въ уголкѣ моего ума, и если иногда пытаются выгнать на Божій свѣтъ, страхъ и физическая боль тотчасъ же отгоняютъ ихъ назадъ въ ихъ прежнюю тишь и глушь. Сравнивая себя теперь съ тѣмъ, что я былъ годъ тому назадъ, я просто удивляюсь, какъ человѣкъ еще до полнаго своего разрушенія можетъ мало-по-малу обратиться въ какія-то развалины. Или я пересталъ понимать себя, или я сталъ другимъ человѣкомъ. Изъ всего прежняго моего остались неприкосновенными во мнѣ лишь вѣра и преданность извѣстнымъ принципамъ... Пережить такую значительную часть самого себя—несчастье, превосходящее горечь всего, что только можетъ перенести и выстрадать человѣкъ, и я почитаю счастливымъ того, кто сходитъ въ могилу въ полномъ обладаніи всѣхъ умственныхъ своихъ силъ. При первыхъ признакахъ страшной и медленной моей болѣзни,—лишь только я ощутилъ въ себѣ ся

зарожденіе, — я часто съ ужасомъ думалъ про себя: о еслибъ, по крайней мѣрѣ, пока я живъ, оставался хоть умъ мой нетронутымъ и свѣжимъ».

Лечение не помогало бѣдному поэту, и Джусти, по совѣту докторовъ, рѣшился испытать дѣйствіе путешествія. вмѣстѣ съ матерью онъ отправился въ Римъ и Неаполь. Новыя впечатлѣнія нѣсколько освѣжили Джусти. Онъ вернулся во Флоренцію, чувствуя себя лучше, но вскорѣ снова заболѣлъ и не былъ въ состояніи заниматься. Тогда онъ отправился на морскія купанья въ Ливорно. Здѣсь ему попалось на глаза, безъ его вѣдома и весьма перяшливо изданное, собраніе его стихотвореній, и притомъ съ добавленіемъ разныхъ чужихъ стиховъ, приписанныхъ издателемъ ему. Онъ протестовалъ противъ этого безцеремоннаго обращенія съ нимъ и его трудами въ предисловіи къ первому собранію своихъ стихотвореній, изданному вскорѣ имъ самимъ и посвященному маркизѣ д'Азельо (женѣ Массимо д'Азельо и дочери Манцони).

Осень 1844 г. Джусти провелъ, по совѣту докторовъ, въ мѣстечкѣ Colle di Val d'Elsa.

Чистый горный воздух подѣйствовалъ на него благотворно: онъ окрѣпъ, сталъ дѣлать прогулки пѣшкомъ и верхомъ и почувствовалъ себя значительно лучше. Онъ принялся снова за работу и написалъ нѣсколько стихотвореній, между прочимъ, «Мирную Любовь»,—«такую невинную шутку,—пишетъ онъ въ письмѣ къ маркизѣ д'Азельо,—что ее можно было бы напечатать даже въ Моденѣ съ разрѣшенія тамошней цензуры».

Къ 1845 и 1846 г. относятся быстро слѣдовавшія теперь одна за другой лучшія его сатиры, въ которыхъ талантъ его является во всемъ блескѣ. Изъ числа ихъ особенно прославилась пьеса: «Gingillino», о которой одинъ изъ біографовъ Джусти говоритъ: «Это—одно изъ тѣхъ произведеній, которыя будутъ читаться, быть можетъ, еще и тогда, когда итальянскій языкъ, подобно латинскому, перестанетъ уже быть разговорнымъ языкомъ». Въ этой сатирѣ онъ имѣлъ въ виду карьеристовъ, которые грязными интригами успѣваютъ подняться на самыя высокія государственныя должности. У колыбели ребенка Джинджиллино (интриганъ, пройдоха) собрались: лицемеріе, алчность, ни-

зость, трусость и т. п., поющіе ему хоромъ колыбельную пѣсню, въ которой даютъ ему совѣты и наставленія, которые должны воспитать изъ него негодяя и сикофанта. Вълѣдѣ за прекраснымъ прологомъ, посвященнымъ Александрю Поэріо, стихотвореніе начинается такъ:

Двуличность, алчность, чванство,
 Холопство, трусость, интригантство,—
 Весь сонмъ духовъ, чья слава,
 Занятые, цѣль, забава
 Братъ подъ крыло свое и руководство
 Неоперившихся птенцовъ
 И ихъ вести путемъ душевнаго уродства
 До вышихъ ступеней
 Довольства, почестей,
 Чиновъ и производства,—
 Собрался какъ-то разъ подъ ночь у колыбели
 Мадютки Джинджилино, и зацѣли
 Всѣ хоромъ здѣсь кантату мудрыхъ изрѣченій,
 Достойныхъ тѣхъ временъ и поколѣній,
 Когда подобныя возвращенія
 И успѣваютъ, и цвѣтутъ,
 И къ почестямъ ведутъ:

«Баю баюшки... Сквозь слезы
 Ты взглянулъ на Божій свѣтъ,—
 Если-жъ хочешь жить въ почетѣ
 Хочешь счастьемъ быть пригрѣтъ,

Помни наше наставленье,
Имъ проникнися, дитя,—
И всплывешъ тогда, какъ пробка
Надъ пучиной ты бытъя.

Съ малыхъ лѣтъ учись смиренно
Класть въ карманъ пинки, толчки,
Получать съ довольнымъ видомъ
Всевозможные щелчки...

Круто вожжи ли подтянетъ
Педагогъ,—главу клони;
Унижайся, пресмыкайся,
Шею выверни,— но гни.

Безотвѣтенъ и безгласенъ
На дому и въ людяхъ будь,
И вездѣ, всегда старайся
Стушеваться какъ-нибудь.

Отъ всего, что стойко, смѣло,
Отрекися съ юныхъ лѣтъ,—
Если хочешь жить въ почетѣ,
Хочешь счастьемъ быть пригрѣтъ.

Ни въ душѣ твоей, ни въ мысляхъ
Не встаетъ пусть никогда
Славы яркое видѣнье,
Чести свѣтлая звѣзда.

Отвернись, какъ отъ заразы
Отъ сомнѣній и отъ бѣды,

Отъ тревогъ всѣхъ, что извѣстность.
За собой ведетъ во слѣдъ.

Безъ затѣй тщеславныхъ нѣчто
Изъ наукъ извлечь, узнать,—
Для домашней лишь потребности.
Научись писать, читать.

Все, отмѣчено что геньемъ,
Ты считай за глупый бредъ,—
Если хочешь жить въ почетѣ,
Хочешь счастьемъ быть пригрѣтъ.

Твердо знай, и помни твердо:
Строгій дашь отвѣтъ, дружокъ,
Ты скорѣй за промахъ малый,
За оплошности грѣшокъ,

Чѣмъ за злѣйшее дѣянье,
За поворнѣйшій грабежъ,
Если дѣло ты искусно,
Втихомолку поведешь.

Правымъ будь вездѣ и всюду,—
Вѣрь:—далеко не умень,
Тотъ, кто тотчасъ согласится,
Что ошибку сдѣлалъ онъ.

Самъ въ обманъ ты не вдавайся,
Но вводи въ обманъ весь свѣтъ,—
Если хочешь жить въ почетѣ,
Хочешь счастьемъ быть пригрѣтъ.

Изощрайся и въ наукѣ
 Ставить сѣти дуракамъ,
 Подъ шумокъ, съ невиннымъ видомъ
 Завлекать друзей въ капканъ.

Съ Богомъ, съ чортомъ не вяжися,
 Въ міръ заоблачный не рвись,
 Только выгодъ-богинѣ
 Ты безъ устали молись.

Не бѣда, что тяжкимъ смрадомъ
 Отъ души твоей несетъ,
 Что холопствомъ и поворомъ
 Отъ нея лишь отдастъ,

Соган роріло тѣмъ паче
 Ты громи порочный свѣтъ,—
 Если хочешь жить въ почетѣ,
 Хочешь счастьемъ быть пригрѣтъ.

Не гонись за идеаломъ,
 Не носись ты въ облакахъ,
 А ищи въ вседневной жизни
 Лишь однихъ *реальныхъ* благъ.

Если жаждешь ты богатства,
 Склоненъ къ роскоши дарамъ,
 Дважды два-четыре—богъ твой,
 Ты ему кури оймьямъ.

Днесь владыка міру—деньги,
 Это ты не забывай,

И за яркій блескъ червонцевъ
Не колеблясь, все отдай.

Пусть въ груди замолкнетъ совѣсть,
Пусть стыда исчезнетъ слѣдъ,—
Если хочешь жить въ почетѣ,
Хочешь счастьемъ быть пригрѣтъ.

Духомъ злобнымъ вольнодумства
Ни на мигъ не увлеченъ,
Ложной той мечтой-химерой
Ты не будешь обольщенъ:

Будто честные лохмотья,
Не поворять бѣдный людъ,
Не клеймить его всеневный
Непомѣрно-тяжкій трудъ.

Слово вѣское—(поддержка
Всѣхъ основъ)—оно гласитъ:
*Стоишь столько ты, поскольку
У тебя карманъ набитъ.*

Вникни въ мудрость этихъ правилъ,
Ихъ держаться дай обѣтъ,
Если хочешь жить въ почетѣ,
Хочешь счастьемъ быть пригрѣтъ.

Двадцать лѣтъ спустя, молодой Джинджил-
лино выступаетъ передъ нами студентомъ,
кончившимъ курсъ и награждаемымъ всѣми

университетскими почестями. Ректоръ университета, осыпая своего питомца всякими восхваленіями, подастъ ему на прощаніе слѣдующіи совѣтъ:

«Comincia coll'esempio e coll'inchiostro
 A difender l'altare a destra mano,
 Ed a mancia il nostro
 Dolce e amorevolissimo Sovrano;
 Vattene, agnello pieno di talento
 Caro al presepio e al capo dell'armento.

(Примѣромъ и перомъ начни защищать правой рукой алтарь, а лѣвой кроткаго возлюбленнаго монарха. Иди съ миромъ, агнецъ, преисполненный талантовъ и любезный какъ стаду, такъ и пастуху его).

Джинджилино провожаютъ до его дома товарищи, которые поютъ ему пѣсенку уже совершенно иного содержанія. Затѣмъ герой является во Флоренцію, и здѣсь въ нѣсколькихъ прелестныхъ строфахъ поэтъ высказываетъ свою скорбь о нравственномъ упадкѣ родного народа. Далѣе Джусти рисуетъ «Барджелло», т. е. резиденцію полиціи, шпіоновъ и вмѣстѣ тюрьму и т. д.; они описываются какимъ-то ужасающимъ омутомъ всякихъ низостей и гнусности. Здѣсь сходятся адвокаты и здѣсь Джинджилино снова по-

лучаетъ совѣты вродѣ тѣхъ, которые пѣлись уже надъ его колыбелью, и, повинувшись имъ, онъ быстро подвигается къ успѣшной карьерѣ. Развращающее вліяніе испорченныхъ женщинъ довершаетъ его нравственную гибель. Пьеса кончается исповѣданіемъ Джинджилино, которое онъ произноситъ ежедневно, лежа въ постель, вмѣсто молитвы, и гдѣ онъ заявляетъ, что вѣритъ въ деньги, въ *motu proprio* или декреты абсолютной власти, въ династію, поддерживающую его, въ подати, налоги и т. д., обѣщаетъ всегда идти по теченію и служить героямъ дня и надѣется достигнуть высшихъ ступеней на лѣстницѣ почестей—быть возведеннымъ въ дворянское достоинство и умереть съ звѣздою на груди.

Изъ числа другихъ пьесъ, написанныхъ въ 1847 г., особенный успѣхъ имѣлъ «Конгрессъ сбирровъ», разошедшійся въ три дня въ числѣ десяти тысячъ экземпляровъ. Описывается сборище полицейскихъ агентовъ, сравниваемое съ парламентскимъ засѣданіемъ, гдѣ есть и правая и лѣвая сторона, и центръ. Прежде всего начинается ораторствовать ярый членъ лѣвой стороны, упре-

кающій своихъ товарищей, что они теряютъ дорогое время въ пустыхъ словопреніяхъ, тогда какъ, сивъ нѣсколько безпокойныхъ головъ, можно однимъ взмахомъ уничтожить всю эту чуму либерализма и свободомыслия; своимъ бездѣйствіемъ полиція только поощряетъ ростъ этой чумы и тѣмъ подвергаетъ опасности весь государственный строй. Теперь ничего нельзя достигнуть отческою нѣжностью, дарованіемъ какихъ-нибудь амнистій и реформъ; все это — негѣпость и сумасбродство:

«Ласково обращаться съ народомъ, разыгрывающимъ изъ себя господина, предполагать въ животномъ разумъ и справедливость?» восклицаетъ онъ въ негодованіи.—

Ecco la massima
Spedita e vera
Galere e boia,
Boia e galera.

(Вотъ самое вѣрное и успѣшное правило: палачъ и каторга, каторга и палачъ).

Ему возражаетъ членъ центра, краснощекій, полный, спокойный человѣкъ, дорожащій своимъ жалованьемъ. Онъ порицаетъ «своего увлекшагося сотоварища» и напоми-

наетъ ему, что прошли тѣ времена, когда одни лишь поэты говорили объ «единствѣ Италіи», что теперь уже кормилицы твердятъ объ этомъ своимъ питомцамъ въ колыбели. Теперь система «тюремъ» больше вредитъ, чѣмъ приноситъ пользы, такъ какъ либералы, разжирѣвъ тамъ, выносятъ оттуда «орелъ мученичества», а посадившіе ихъ въ тюрьмы провозглашаются «деспотами». Конечно, этого онъ не сталъ бы высказывать публично.

Когда ораторъ оканчиваетъ послѣднія слова, съ улицы доносятся восторженные клики народа въ честь государя, давшего ему доказательство своего единенія съ нимъ *), въ честь единства Италіи и національной гвардіи. Мертвая тишина водворяется въ залѣ

*) 8-го сентября 1848 г., въ правдникъ Мадонны, великій герцогъ, въ сопровожденіи своего придворнаго штата, отправился, по заведенному обычаю, въ церковь «Santissima Annunziata». Леопольдъ II впервые снялъ съ себя въ этотъ день ненавистные пароду австрійскіе цвѣта и замѣнилъ ихъ тосканскими бѣлымъ и краснымъ. Восторгъ народа не зналъ границъ и сопровождалъ великаго герцога во все время его шествія.

засѣданія полиціи, и члены ея поблѣднѣли, какъ смерть.

Въ 1847 г. началась въ Италіи борьба за національное освобожденіе. Повѣяло новымъ, освѣжающимъ духомъ. Папа Пій IX (до тѣхъ поръ мало извѣстный кардиналъ Мастои; избранный папою 16 іюля 1846 г. по смерти Григорія XVI) сталъ вводить либеральныя раформы, даровалъ политическую амнистію, облегчилъ законы для печати, дозволилъ образованіе національной гвардіи, и, наконецъ, 14-го марта 1848 г. была объявлена въ Римѣ конституція, а 23-го марта римскія войска выступили на помощь Милану и Венеціи, поднявшимися противъ Австріи и призывавшимъ всю Италію къ себѣ на помощь. По примѣру папы, другіе итальянскіе государи почти одновременно дали своимъ подданнымъ конституціонныя учрежденія. Пиемонтскій король Карлъ - Альбертъ провозгласилъ статуты 7-го февраля 1848 г., неаполитанскій король, Фердинандъ, 10 го февраля 1848 г., а тосканскій великій герцогъ, Леопольдъ II, 9-го февраля 1848 г. Джусти написалъ тогда превосходное стихотвореніе, обращенное къ Леопольду II.

Чисто дантовской простотой и возвышенностью дышать эти прекрасныя строфы, въ которыхъ поэтъ, съ полнымъ безпристрастіемъ глядя назадъ и впередъ, рисуесть мѣткую картину печальнаго прошлаго, казалось, уже навсегда отошедшаго въ исторію, и съ радостью смотритъ впередъ на счастливую будущность, такъ много обѣщавшую Итали. Главное стремленіе Джусти, задушевное его желаніе было — увидѣть Италію объединенной «*tutto d'un pezzo e tutto d'un colore*», «изъ одного куска и одного цвѣта», какъ онъ говоритъ въ своемъ «*Stivale*». По своимъ убѣжденіямъ и по темпераменту Джусти былъ республиканецъ, но находя, что родина его еще не созрѣла для этой политической формы, онъ съ радостью привѣтствовалъ и конституціонную монархію. Въ стихотвореніи къ Пьетро Джанноне, «Республика», Джусти высказывается объ этомъ такъ: «меня пугаютъ не препятствія, которыя могутъ встрѣтиться на пути къ осуществленію идеи республики, — говоритъ онъ, — но я не вѣрю ся апостоламъ («*temo degli apostoli*»). Джусти избѣгалъ крайностей. Какъ онъ выражается въ открытомъ письмѣ:

въ редакцію «Rivista di Firenze», онъ былъ— «престранный либераль—либераль, представляющій всякому полнѣйшую свободу слова; либераль, не имѣющій въ виду быть ни министромъ, ни народнымъ трибуномъ; не выносящій пустыхъ болтуновъ, шарлатановъ и шалопаевъ; либераль, который не только не пропитанъ весь недовѣріемъ, но который считалъ бы себя даже самымъ несчастнымъ человѣкомъ въ мірѣ, еслибы онъ былъ принужденъ всѣхъ и всякаго подозрѣвать, что, однако, не мѣшаетъ нѣкоторымъ изъ его товарищей чувствовать себя при этомъ какъ нельзя лучше. Затѣмъ еще странность: я кричалъ, когда всѣ молчали, а теперь, когда всѣ кричатъ, я молчу, и, наконецъ, никогда я не занималъ никакихъ должностей. Выказавъ вамъ все это, я повторю въ заключеніе, что, по моему мнѣнію, не слѣдуетъ такъ ревностно любить свободу, чтобы, по примѣру нѣкоторыхъ изъ моихъ друзей, желать удержать ее для себя одного». Выше всего въ политическомъ дѣятелѣ Джусти ставилъ честность. «Кто не есть прежде всего честный человѣкъ, тотъ—все равно, держитъ ли онъ въ рукахъ черное или трехцвѣтное зна-

мя—мнѣ не другъ, и я не желаю, чтобы онъ считалъ меня своимъ другомъ. По моему, лучше въ аду съ честными людьми, чѣмъ съ обманщиками въ раю. Я считаю за высочайшее на свѣтѣ глумленіе обзывать бѣдный народъ «канальей», и за весьма святую рѣчь—именовать канальей тѣхъ, кто обманываетъ бѣдный народъ. Надѣюсь, что раньше или позже, Богъ дастъ мнѣ силу раскрыть весь этотъ позоръ, какъ и въ былые годы, когда эти трусы молча дрожали или вели себя какъ бездушные рабы, я имѣлъ мужество раскрывать другого рода низости. Злоба душитъ меня. Я думалъ, что бросилъ навсегда изъ рукъ бичъ сатиры и былъ этому душевно радъ, такъ какъ мнѣ никогда не доставляло удовольствія осмѣивать моего ближняго. Теперь же я вижу, что къ несчастію, задача моя еще не кончена».

Въ Италіи началась, наконецъ, борьба противъ Австріи и противъ Бурбоновъ. Революція вспыхнула прежде всего въ Палермо. Миланъ послѣдовалъ его примѣру. Неаполитанское войско, преводительствуемое генераломъ Пепе, и римское, подъ начальствомъ генерала Дурандо, выступили на по-

моць ломбардцамъ. Тосканскіе добровольцы осаждали Мантую; піемонтцы, подъ предводительствомъ короля Карла-Альберта, объявившаго въ прокламаціи, что опъ ставитъ савойскій крестъ на трехцвѣтное итальянское знамя, чтобы идти на помощь Милану, выиграли первыя сраженія. Болонцы храбро отразили нападенія австрійцевъ; ломбардцы загнали непріятеля до самого Тріента; счастье всеюду улыбалось итальянскому оружію.

Когда готовились и совершались эти событія, Джусти написалъ въ предисловіи къ изданному имъ тогда сборнику своихъ новыхъ произведеній: «Я чувствую, что этотъ родъ поэзіи теперь не своевременъ и охотно желалъ бы подняться на высоту великихъ событій, совершающихся передъ нашими глазами. Въ состояніи ли будетъ духъ мой, привыкшій вращаться въ тѣсномъ кругу отрицанія, сбросить съ себя эти оковы и выступить на болѣе обширное и благодарное поле? Если я почувствую въ себѣ смѣлость испытать мои слабыя силы въ этомъ новомъ направленіи, то, конечно, не премину это сдѣлать; въ противномъ же

случаѣ, я все же не стану упрямо настаивать на своемъ и оглашать воздухъ похороннымъ звономъ, въ то время какъ вокругъ меня всюду раздается трезвонъ праздничныхъ колоколовъ».

Первый тосканскій парламентъ былъ созванъ и правительство не вмѣшивалось въ выборы. Избиратели мѣстечка Борго-а-Буджіано избрали своимъ представителемъ знаменитаго своего земляка. Джусти не былъ ораторомъ. Онъ рѣдко говорилъ въ парламентѣ; а когда это случалось, то рѣчь его отличалась всегда краткостью и ясностью. Но политическая его умѣренность и благоразуміе не понравились тѣмъ, кто хотѣлъ видѣть въ немъ крайняго радикала. Ему пришлось вынести не мало грязныхъ нападокъ и инсинуаций; ему поставили въ укоръ принятіе имъ должности майора въ національной гвардіи. Онъ съ достоинствомъ защищался въ письмахъ къ друзьямъ, высказывая имъ, какъ неохотно и по принужденію онъ принялъ свои должности. «Въ одномъ отношеніи клеветники мои дѣйствительно правы, — писалъ онъ:—я столько же годенъ на то, чтобы сидѣть въ парламентѣ или служить въ на-

ціональной гвардіи, сколько статуя гиганта ¹⁾ на piazza di Granduca была бы годна быть почтальономъ».

Конституціонное министерство Ридольфи, а затѣмъ Джино Каппони смѣнилось вскорѣ радикальнымъ министерствомъ, во главѣ котораго стояли Монтанелли и Гверрацци. Первымъ дѣйствіемъ этихъ послѣднихъ было распустить парламентъ. Такимъ образомъ, начались приготовленія къ новымъ выборамъ. Джусти объявилъ, что ни за что не приметъ полномочій. «Я желаю оставаться на этотъ разъ въ числѣ зрителей, а не вступать опять на подмостки»,— писалъ онъ.

Но тѣмъ не менѣе, несмотря на его громко заявленное рѣшеніе, несмотря на всѣ усилія министерства, которое выставило противъ него собственнаго своего кандидата, Джусти былъ снова выбранъ въ томъ же округѣ, гдѣ онъ сумѣлъ приобрести народную любовь и уваженіе. Джусти былъ вынужденъ снова принять званіе депутата. По этому случаю онъ писалъ одному изъ своихъ друзей: «Я очень благодаренъ этимъ

1) Голиаевъ и Давидъ, работы Микель Анджело.

добрымъ людямъ за ихъ расположеніе ко мнѣ, и отъ души желалъ бы отплатить имъ хоть какою-нибудь услугой. Мнѣ крайне жаль, что я все-таки попалъ въ депутаты. Я убѣжденъ, что не съумѣю оправдать возложенныхъ на меня надеждъ, отчасти по моей неопытности въ общественныхъ дѣлахъ, отчасти вслѣдствіе плохого состоянія моего здоровья. Зима, проведенная во Флоренціи, всегда вредно вліяла на меня. Но «*fiat voluntas vestra*».—Между тѣмъ, политическое движеніе принимало все болѣе острый характеръ. Герцогъ тосканскій, не надѣясь удержать власть, бѣжалъ въ Вѣну. Во Флоренціи, Ливорно и нѣкоторыхъ другихъ городахъ вспыхнула революція, конституція была отмѣнена, было избрано временное правительство. Когда путемъ всеобщаго голосованія было приступлено къ созванію новаго учредительнаго собранія, избиратели Борго-а-Буджіано въ третій разъ остались вѣрны Джусти. Но бѣдному поэту уже не было суждено вступить въ этотъ третій парламентъ. Дѣла въ Тосканѣ, въ Римѣ, Неаполѣ, Ломбардіи, Венеціи приняли скорѣе дурной оборотъ. Въ апрѣлѣ 1849 г.

Джустини писалъ о положеніи Тосканы къ другу своему Лоренцо Марини: «Дѣла наши сдѣлали, дѣйствительно, большой скачекъ и стоятъ теперь гораздо хуже, чѣмъ въ іюль 1848 г. Народъ не умеръ, какъ не умерла и мысль, пробудившая его отъ сна и подвинувшая его попытаться достигъ своего освобожденія; напротивъ того, эта мысль, обратно загнанная въ душу народа и хранящаяся въ ней неизмѣнною и живою, очнувшись и облагородившись въ купели несчастья, позже или раньше, когда бы то ни было, но непременно вырвется наружу, только еще съ бѣльшей силою, съ бѣльшимъ могуществомъ и обаяніемъ. Ты знаешь, что я никогда не увлекался слѣпо надеждою, но ты знаешь также, что я никогда не впадалъ въ окончательное уныніе и отчаяніе и даже въ періодъ между 31-мъ и 47-мъ годами,—въ періодъ кажущагося народнаго сна. Народъ, какъ и отдѣльно взятый человѣкъ, при переходѣ изъ одного возраста въ другой, чувствуетъ иногда нѣчто вроде недоумѣнія и слабости и потому кажется наибѣлье безсильнымъ именно въ тотъ моментъ, когда онъ стоитъ на порогѣ но-

вой жизни и новыхъ силъ. Возвысившись несчастьемъ, народъ, вслѣдъ за исчезновеніемъ первыхъ мгновеній испуга и страха, начнетъ вглядываться вокругъ, вдумываясь въ самого себя, сознавая прошлыя ошибки и собственныя оплошности, которыя были причиною его теперешней неудачи, и, поумнѣвъ и возмужавъ, начнетъ готовиться къ тому, чтобы съ бѣльшею осторожностью, бѣльшимъ запасомъ силъ, опытности и увѣренности въ себѣ, покорить зло и вернуть себѣ, принадлежащее ему по праву, независимое политическое положеніе. Двѣ вещи особенно повредили намъ: слишкомъ малая и черезъ-чуръ большая увѣренность въ самихъ себѣ. Первое обстоятельство было причиною излишней нашей медленности, второе—излишней поспѣшности. Первое создало, взлѣляло и поддержало среди насъ безчисленное множество невѣрующихъ, колеблющихся, отступающихъ и вовсе отпавшихъ, а излишняя самоувѣренность отпустила удила необузданному и дикому сонму безразсудныхъ людей, людей слова, а не дѣла, фразеровъ и крикуновъ, которые, не разузнавъ, по какому фарватеру прійдется плыть кораблю,

не захвативъ съ собою ни компаса, ни измерителя глубины, ринулись очертя голову въ невѣдомое и бурное море. «Вы слишкомъ спѣшите»,—кричали съ одной стороны, сложивъ руки и не двигаясь съ мѣста. «Вы слишкомъ медлите»,—вопили съ другой, метаясь, какъ угорѣлые туда и сюда. Мы же сами, находясь среди медлившихъ и спѣшившихъ, ничего не сумѣли сдѣлать, и въ концѣ концовъ, лишь ухудшили свое положеніе. Въ другой разъ, если только намъ послужать урокомъ прошлыя наши ошибки, мы не будемъ гнаться за миражами, а удовольствуемся возможнымъ.

«Гибель піемонтской арміи я приписываю раздиравшимъ ее двумъ крайнимъ партіямъ: партіи, желавшей отступленія и называвшей Карла Альберта сумасбродомъ за его твердое рѣшеніе—по истеченіи перемирія, возобновить войну съ Австріей; и партіи демагоговъ, уговаривавшихъ солдатъ не сражаться за короля и подъ предводительствомъ короля и мечтавшихъ убѣдить и другихъ въ возможности всеобщаго возстанія, всеобщей народной войны и тому подобныхъ утопіяхъ. Что же было результа-

томъ всего этого? Пиемонтъ возобновилъ войну съ Австріей, но такъ неохотно, что изъ 60 тысячной арміи на полѣ сраженія оказалось всего 20 тысячъ человѣкъ и итальянское войско потому-то и было уничтожено въ три дня. Вспомни, что изъ двухъ республикъ, римской и тосканской—къ нашему вѣчному стыду—ни одна не устояла; вспомни, что въ Генуѣ все поставлено вверхъ дномъ, а въ Пиемонтѣ все въ смущеніи и безпорядкѣ; не забудь колеблющагося, неопредѣленнаго положенія центральной Италіи и неизбѣжно грозящую намъ опасность австрійскаго нашествія и нашу полнѣйшую беспомощность—и тогда, взвѣсивъ все это, создай въ своемъ воображеніи то положеніе дѣлъ, до котораго мы доведены въ настоящую минуту. Говорю: въ настоящую минуту, потому что я еще не отчаиваюсь и потому что все еще надѣюсь и не хочу терять вѣры въ лучшее будущее».

Но эти надежды и эта вѣра поэта въ лучшее будущее не оправдались, по крайнѣйшій мѣрѣ для него. Печальный оборотъ въ общественныхъ дѣлахъ производилъ на него подавляющее впечатлѣніе. Военныя неудачи

на сѣверѣ, пораженіе піемонтской арміи при Поварѣ (23 марта 1849 г.), осада Рима французскими войсками, вступленіе ихъ въ вѣчный городъ и ихъ господство тамъ до возвращенія бѣжавшаго въ Гаэту и теперь возстановленнаго во власти французскими штыками Пія IX; торжество Австріи надъ возставшей Ломбардіей, капитуляція Венеціи (24 августа 1849 г.), наступленіе въ Неаполѣ и Сициліи полнѣйшей реакціи, повсемѣстныя гоненія и казни, возвращеніе, при помощи чужеземнаго войска, бѣжавшаго Леопольда II, не послушавшагося зова собственнаго своего народа, временная отмѣна конституціи—все это были тяжкіе удары для патріотическаго чувства. Мысль о гибели свободы, о возстановленіи абсолютизма усилила болѣзнь Джусти и ускорила печальный ея исходъ. Проболѣвъ передъ тѣмъ всю зиму въ домѣ Джино Каппони, но все еще работая въ промежуткахъ страданій, онъ написалъ нѣсколько стихотвореній и, главное, усиленно трудился надъ комментаріями къ Данте. Сильное кровотеченіе горломъ положило конецъ его жизни 31 марта 1850 г. Лишь съ большими затрудненіями

было получено разрѣшеніе торжественно схоронить его. 3-го апрѣля, при огромномъ стеченіи народа, брѣнные останки великаго итальянскаго сатирика были отвезены въ церковь Санъ-Миньято и преданы тамъ землѣ.

Джустини былъ почти исключительно политическій сатирикъ. Превжніе эстетики, какъ извѣстно, отрицая въ поэзіи тенденціозныя задачи, смотрятъ неодобрительно на политическую сатиру. Искусство—само себѣ цѣль, и потому тенденція не совмѣстима съ истинно-художественнымъ творчествомъ. Теперь начинаютъ думать, что нѣтъ ни хорошихъ, ни дурныхъ родовъ поэзіи, а есть только хорошія или дурныя поэтическія произведенія. Нѣтъ сомнѣнія, что стихотвореніе политическаго содержанія можетъ оказаться несравненно поэтичнѣе иного лирическаго стихотворенія. Строго говоря, и то, и другое—если только они соотвѣтствуютъ истинному своему назначенію—суть стихотворенія, писанныя на случай: въ обоихъ окажется тенденція; почему, напр., цѣль—побѣдить изображеніемъ страстнаго чувства строптивое женское сердце—стоитъ ближе

къ искусству, чѣмъ желаніе пѣсню о свободѣ разбудить апатичную общественную массу? Поэтическая цѣнность стихотворенія зависитъ только отъ того, какъ поэтъ сумѣлъ воспользоваться содержаніемъ основной мысли и есть ли его произведеніе—полное выраженіе той силы и глубины страстнаго личнаго участія, которое онъ самъ принимаетъ въ описываемомъ имъ событіи.

Дѣятельность Джусти была уже отчасти подготовлена. Возрожденіе итальянской сатиры ведетъ собственно свое начало съ произведенія извѣстнаго писателя второй половины прошлаго вѣка, Джузеппе Парини, «День» (Il Giorno). Джусти издалъ у Лемонье во Флоренціи избранныя сочиненія Парини и написалъ къ нимъ интересное предисловіе, въ которомъ, по поводу Парини и его предшественниковъ, высказываетъ свой взглядъ на значеніе сатиры; этотъ взглядъ примѣняется и къ его литературной дѣятельности. «Если бы я вздумалъ пространно доказывать, — говоритъ онъ, — почему этотъ родъ поэзіи такъ исключительно принадлежитъ намъ—*satira tota nostra est*, говоритъ еще Квинтиліанъ,—еслибы я сталъ

объяснять, какъ она зародилась и кѣмъ писалась первоначально у римлянъ, а затѣмъ у насъ, то предисловіе мое вышло бы болѣе самой книги. Отлагая все это до другого раза, теперь упомяну лишь мимоходомъ о томъ, что среди цѣлой плеяды сатирическихъ писателей ярче всего выдается Аріосто, а за нимъ многими степенями ниже— Менцини и Сальваторъ Роза. Нѣтъ словъ, чтобы выразить и десятую долю превосходства Аріоста и въ этомъ родѣ поэзіи надъ остальными писателями. Прелесть языка, соль комизма и остроумія, легкость, плавность и изящество стиля по-истинѣ паразительны въ немъ; въ сатирахъ своихъ, какъ и въ извѣстной его большой поэмѣ, онъ истощилъ въ разнообразіи вымысла и формы. Менцини желченъ, ѣдокъ, горячъ—но мы въ немъ рѣдко находимъ грацію, а еще рѣже ту веселую лобезность, которая илагаетъ на сатиру печать совершенства. У него недурной слогъ; вѣрный и закругленный стихъ, смѣлая и легкая рима; но въ слогѣ у него есть нѣчто грубое, жесткое и вообще сатира Менцини не чужда тривіальности и необтесанности; она скорѣе сшита

бѣлыми нитками, а не искусно соткана, и въ особенности слаба въ драматическомъ отношеніи. Сатиры Сальватора Розы отличаются какой-то легкой, безпечной веселостью; въ нихъ сказывается живой и болтливый неаполитанецъ, привыкшій занимать и забавлять своими шутками веселое общество. Но мнѣ, несмотря на всю его ученость, онъ кажется бѣднымъ, напыщеннымъ и водянистымъ; онъ обрываетъ нить и тотчасъ же снова беретъ за нее, повторяя это сто разъ; онъ носится съ одною и тою же мыслью, переворачивая ее на всѣ лады, какъ будто бы онъ шлифуетъ алмазь; однимъ словомъ, ясно чувствуется, что писаніе стиховъ не настоящее его призваніе, а только прида-токъ къ прочимъ его талантамъ. Однако, сатирикъ такъ же, какъ и драматургъ, сколько бы ему ни удалось найти хорошихъ или дурныхъ образцовъ въ школахъ или библіотекахъ, останется всегда (если только онъ, дѣйствительно, понялъ свое назначеніе—свою миссію, какъ теперь называютъ) истиннымъ сыномъ своего вѣка не только относительно избранный имъ темы, но и относительно самаго языка и стиля. Уни-

версальная сатира, понятная во все времена и вѣка—такая же утопія эстетики, какою было для алхиміи исканіе философскаго камня, и мнѣ бы хотѣлось знать, на основаніи какихъ данныхъ сторонники этой несостоятельной теоріи еще продолжаютъ отстаивать ее, такъ какъ Горацій, Ювеналь, Персій и сатирики всего міра такъ же тѣсно связаны съ своей эпохой, какъ связаны со стѣнной выюпціей около нея плоть, и не могутъ быть оторваны отъ нея, не потерявъ при этомъ множества корней, листьевъ и вѣтвей. Сатира не должна быть скроена по мѣрѣ отдѣльныхъ лицъ, а должна приходиться въ пору пороку, какимъ онъ является въ различныя времена. Сатира не долго бываетъ свѣжа, такъ какъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе притупляется ея остріе; но жизнь ея можетъ быть весьма продолжительна, такъ какъ, переставъ быть зеркаломъ настоящаго, она дѣлается документомъ прошлаго, замѣняя такимъ образомъ до извѣстной степени исторію. Если сатира беретъ свое начало въ личной раздражительности и обидчивости, то она по большей части лишь мертворожденный памфлетъ; если же она беретъ свое начало въ

стремленіи къ добру и въ негодованіи на то, что стремленіе это не можетъ быть удовлетворено, то она является однимъ изъ самыхъ благородныхъ изліяній чловѣческой души и достойна назваться младшею сестрою лирики. Послѣдняя восхваляетъ добродѣтель, первая бичуетъ пороки; обѣ имѣютъ одно и то же начало и разными путями направляются къ одной общей цѣли. Поэтому нерѣдко въ одномъ и томъ же лицѣ соединяются преимущества и лирика, и сатирика, какъ, напр., у Горация и у Парини».

Очень многіе—еще при жизни Джусти—сравнивали его съ Беранже. Самъ итальянскій сатирикъ въ одномъ отрывкѣ, найденномъ въ его бумагахъ, говоритъ о невѣрности этого сравненія. И дѣйствительно, оно даетъ очень ложное понятіе о Джусти. Если въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, напр., въ мастерствѣ языка, въ народности, свѣжести и образности стиля, итальянскій и французскій поэты и соприкасаются, то въ самой сущности ихъ поэзіи между ними громадная разница. Джусти—болѣе сильная и глубокая натура; онъ увлекается шуткой лишь на короткое время, когда онъ освобождается изъ-подъ гнущаго его сознанія

общественныхъ бѣдъ. Юморъ его — юморъ отчаянія, горькій протестъ противъ существующаго порядка вещей, надъ которымъ онъ старается возвысить и себя, и свой народъ; весьма рѣдко онъ впадаетъ въ легкую шутку надъ мелочами жизни. Разница во взглядахъ и характерѣ итальянскаго сатирика и французскаго поэта съ его сангвиническимъ, подвижнымъ веселіемъ ясно видна, напр., въ слѣдующихъ словахъ Джусти, въ предисловіи къ первому изданію его произведеній, — словахъ, которыхъ не могъ бы сказать Беранже: «Если ты имѣешь въ виду лишь позабавиться, — говоритъ онъ читателю, — то отложи лучше эту книгу въ сторону, не читая, такъ какъ смѣхъ, родившійся изъ самаго горестнаго чувства, могъ бы остановиться у тебя въ горлѣ и мнѣ было бы жаль и тебя и себя». Та же мысль повторяется въ двухъ строкахъ стихотворенія, посвященнаго Джинно Каппони:

«In quanto guerra di pensier mi pone
Questo, che par sorriso ed è dolore».

«Въ какую борьбу мыслей ставитъ меня то, что кажется смѣхомъ и что въ сущности есть горе»).

